

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш95

Иллюстрация на обложке – *Денис Барковский*

Шулинский, Игорь.
Ш95   Странно пахнет душа / Игорь Шулинский. – Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. – 560 с. – (Неизвестные девяностые).

ISBN 978-5-699-95406-3

Бывшая светская львица за прилавком продуктового магазина, су-
масшедший бизнесмен, не отличающий реальный мир от собственно-
го подсознания, эксцентричный драгдилер, возмнивший себя богом,
успешный адвокат, который сводит счеты с жизнью в подпольном по-
кер-клубе... Истории героев романа «Странно пахнет душа» Игоря Шу-
линского, главного редактора культового журнала «ПТЮЧ», описывают
девяностые точнее и безжалостнее документов. В то же время книга Шу-
линского – о любви, поисках и потерях. По словам критика Александра
Гаврилова, этот роман – о времени, которое невозможно забыть даже
тем, кто лизнул его краешек, пока оно мчалось мимо.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95406-3

© Шулинский И., 2017
© Барковский Д., иллюстрация на обложке, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

**ВСЕЙ ЭТОЙ КНИГОЙ АВТОР НА КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРАХ
ПОДЧЕРКИВАЕТ ПАГУБНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ.
СУДЬБА ГЕРОЕВ – ТОМУ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.**

Не дай мне бог сойти с ума...
Александр Пушкин

желтая птичка на ветке сидела
и такую песенку пела:

укусила мушка собачку
за больное место, за сра...

...за стала собачка плакать:
как теперь я буду ка...

...к поеду я в Европу
полечить свою больную жо...

..лтая птичка на ветке сидела
и такую песенку пела:

.....

.....

Михаил Сухотин

У
НАС
РАЙ-
ОН-
Е

Ей было очень страшно, и она не знала, что он сейчас будет делать, но придвинулась к нему еще ближе. Потом рука, тяжело лежавшая у нее на коленях, соскользнула, коснулась ее ноги и стала подвигаться выше.

– Не надо, Джим, – сказала Лиз. Рука двинулась дальше.

– Нельзя, Джим, нельзя. – Ни Джим, ни тяжелая рука Джима не слушались ее.

Доски были жесткие. Джим что-то делал с нею. Ей было страшно, но она хотела этого. Она сама хотела этого, но это ее пугало.

– Нельзя, Джим, нельзя.

– Нет, можно. Так надо. Ты сама знаешь.

– Нет, Джим, не надо. Нельзя. Ой, не хорошо так. Ой, не надо, больно. Не смей! Ой, Джим! О!

Доски пристани были жесткие, шершавые, холодные, и Джим был очень тяжелый и сделал ей больно. Лиз хотела оттолкнуть его, ей было так неудобно, все тело затекло. Джим спал. Она не могла его сдвинуть. Она выбралась из-под него, села, оправила юбку и пальто и кое-как причесалась. Джим спал, рот его был приоткрыт. Лиз наклонилась и поцеловала его в щеку. Он не проснулся. Она приподняла его голову и потрясла ее. Голова скатилась набок, он глотнул слюну. Лиз заплакала. Она подошла к краю пристани и заглянула в воду. С залива поднимался туман. Ей было холодно и тоскливо, и она знала, что все кончилось. Она вернулась туда, где лежал Джим, и на всякий случай еще раз потрясла его за плечо. Она все плакала.

«У нас в Мичигане». Эрнест Хемингуэй

– Сучка, я бы так ее и придушила, собака страшная! Опять она тут устроила. Сучка!

– Да тише ты! – Это уже мужской голос.

Первый Люся бы не спутала ни с чем. Пронзительный. Резкий. Похлеще звонка будильника. Хозяйка квартиры.

Люся зажала уши ладонями.

– Да что ты завелась с утра? – Это был муж хозяйки. В общем, неплохой мужик.

– Что значит тише? Посмотри, какой бордель она здесь устроила!

Бордель – это две чашки, вилка с ножиком, тарелка, сиротливо оставленные в раковине на кухне. Потому что вчера пришла поздно после работы. Потому что болел живот – первый день, знаете ли. Потому что... да, блядь, какая разница! Это не повод, чтобы так орать в такую рань.

– Сколько там? – Люся посмотрела на часы. – Семь десять. Ну хватит!

Люся небрежно накинула халат и, резко открыв дверь, буквально влетела на кухню. Эффектно облокотившись о дверной косяк, скрестив ноги, с распушенными нечесаными волосами, Люся была похожа на Фэй Данауэй. Так ей хотелось бы. Она посмотрела на хозяйку. Хозяйка тут же поймала ее взгляд:

– Ай, бесстыдница, а...

– Что разорались? Вы что, милицию хотите?

– Вот милиция тебе и устроит.

– Что устроит? – Люся кивком головы указала на раковину. – Что устроит?!

Пролетариат боится напора.

– Вот я снимаю у вас комнату, а вы налоги платите?

– Сучка! – Хозяйка поджала губы, но уже как-то не так воинственно.

– Кто дал вам право оскорблять меня и будить в мой законный выходной?

Муж хозяйки вмешался.

– Я же сказал, тише ты! – Он стал тихонько подталкивать к двери разбушевавшуюся супругу.

Но в дверях стояла Люся с двумя расстегнутыми верхними пуговицами на халатике. И он, конечно, уставился на ее сиськи.

Кстати, как зовут мужичонку? Для Люси это был просто муж хозяйки. Имя хозяйки-то она помнила – Марья Ивановна. Или все же Марья Степановна? Чертовы проблемы с памятью!

В этот момент Люся, конечно, замолчала и сбавила. А вот это зря – с пролетариатом так нельзя! Потому что пролетариат уважает натиск и напор. К тому же хозяйка заметила реакцию мужа: этот быстрый, почти незаметный взгляд.

– Отойди, сучка! Лучше оденься! Сиськи спрячь! И сколько тебе уже раз говорили – убирай за собой! Думаешь, приятно завтракать здесь, в грязи, сучка неряшливая?! Постыдилась бы!

Люся сосредоточилась:

– Марья Степановна...

– Ивановна, – механически поправил муж.

– Это неважно. Я вовремя плачу за комнату. Когда я пришла к вам, вы не сказали, что я не единственный ваш жилец и что там, – она пальцем показала на закрытую третью комнату, – у вас проживают еще три человека. Возможно, нелегалы. – Люся взвинтила ритм: – Я думаю, что вы незаконно сдаете недвижимость. И не платите государству, то есть жульничаете, Марьиванна.

– Это я-то жульничаю? Я жульничаю?! – оскорбилась хозяйка и всплеснула руками. – Ну ты бы застегнулась бы. – Хозяйка сказала это как-то уже совсем миролюбиво, по-соседски, буднично.

– Я не хочу никаких оскорблений. Ни утром, ни вечером. И мне не нравится, когда вы называете меня сучкой. Нет, я не против, когда так меня называет мужчина в постели...

Муж хозяйки хохотнул, но быстро осекся.

– Ну ты и штучка! Так я ж по-соседски, по-родственному. Хочу, чтобы чисто было. Помнишь, я просила соблюдать чистоту? – Хозяйка уже разговаривала с Люсей как мама.

«Все-таки русские люди уникальные», – подумала Люся и отошла от двери.

Хозяева протиснулись в коридор. И Люсе показалось, что молдаване из третьей комнаты облегченно вздохнули. Теперь нужно было закрепить победу. Люся прикурила от газовой плиты, и хотя курить в кухне было категорически запрещено, шумно затынулась. «Потому что никто не имеет права меня опускать». Так говорил ее папа, Тигран Симонян. И раньше эти слова казались Люсе тупым армянским бахвальством. Но теперь, когда его не стало, она поменяла свое отношение к этим словам. Если бы сделала это раньше, возможно, не попала в такую жопу.

* * *

Люся сняла жилье, конечно, не в центре, но и не на самой окраине. Там, где Вавилова переходит в Серго Орджоникидзе, когда-то был станкостроительный завод имени Андропова. Место вполне приличное. В конце девяностых на месте завода открылись магазины, клуб, недорогие ресторанчики, офисы. И там же сделали развязку: съезд на Третье кольцо – лютое место, суетливое.

Дальше слева Донской монастырь, справа – Институт иностранных языков. А потом Серпуховский Вал, и через пару минут ты в «нормальной» Москве, в Замоскворечье.

Но Люся перед Серпуховским Валом сворачивала направо, пять минут вниз по трамвайным путям; там в одной из замызганных пятиэтажек она нашла себе временный приют. Она надеялась, что временный.

Здесь провела зиму. Сквозь растрескавшиеся рамы проникал холод, и тогда она включала электрический обогреватель. Становилось нестерпимо душно. Откроешь форточку – лязг проезжающего трамвая, попробуй усни! Единственный плюс – до работы три остановки. Еще одно – цена. Люся платила за комнату десять тысяч рублей. В принципе за район, из которого можно было добраться на такси до центра за десять минут, это очень достойно. Другое дело, что выезжать никуда и не хотелось. Очень уставала на работе, особенно поначалу. Да особенно и не с кем. Все старые друзья растворились, а новых знакомств она не заводила. Почти.

* * *

Как-то Люся вышла из кинотеатра «Алмаз» неподалеку и

по пути домой столкнулась с Д. В девяностые Д. был владельцем первого магазина, где продавалась одежда для рейверов: яркие платяшки, флуоресцентные кофточ-ки... Люся напряглась и попыталась вспомнить название магазина. С памятью стало происходить что-то чудовищное. Вот была недавно она в гостях у своей подруги. Хотела попросить: «Дайте спички!» – и вдруг поняла, что забыла это слово. И промышчала, как корова, показав пальцем на этот самый чертов коробок со спичками.

А чего уж говорить о названиях фильмов, об именах актеров, об адресах ресторанов? Все вылетало из головы быстрее, чем пробка из шампанского. Вроде ты помнишь, мысль есть, но словом она как-то не становится.

– Это все твои ночные посиделки, – сказал ей папа, когда уже болел.

Папа всегда любил подводить черту. Его слова были как гири. Но разве за них можно было схватиться?! Разве они могли хоть раз помочь? Только придавить.

Однако в этот раз Люсе удалось вспомнить, что магазин назывался «Состо». И она даже там успела проработать две недели, заменяя одну из девушек.

– Привет! – сказал Д. Люсе.

Он точно не выглядел обалденно обрадованным от этой встречи и к тому же был подвыпивши. Пошатываясь, Д. подошел к Люсе. От него так и разлило.

– Эй, не кажется ли тебе, что мы кончились? Просто кончились? Что скажешь?

– Нет, Д. дорогой! Рада тебя видеть. Это просто дорога кончилась. А я, кстати, сяду на трамвай и поеду домой. Пока!

Он хотел ей что-то сказать, но не успел. Люся уже подошла к подъехавшему трамваю и ничего не услышала: было шумно.

* * *

Покурив на кухне, Люся отправилась к себе в комнату, но заснуть уже не смогла.

Вытащив альбом с фотографиями, она стала разглядывать. Вот Маша, красавица. Катя. Люся. Улыбаются где-то в «Эрмитаже». А вот это, похоже, в «Пентхаусе» неподалеку. Памяти, казалось, не было. Все стерто. Но спроси Люсю, кто и когда играл на какой вечеринке, она безошибочно назвала бы имя диджея, название той самой вечеринки и кто на ней был. Вот и тогда, когда Люся, Катя и Маша позировали обнявшись, играл Володя Трапезников. Люся выключила радио, где звучало что-то очень плохое, русское, – чтобы не мешало воспоминаниям.

Они танцевали на сцене. И все друг другу улыбались. И было это странно и чудесно, как будто собрался какой-то невероятный паззл. И маленькие закорючки, фрагменты, части превратились в одну большую яркую картину. Так маленькие компании и парочки растворялись в этой атмосфере пульсирующей вибрации и в этом мигающем свете. Все друг друга чувствовали.

– Да, мы были заговорщиками. Настоящими заговорщиками. – Так Люся рассказывала своей подруге Наде, что же происходило на тех самых первых вечеринках.

И больше она ничего не могла сказать. Не потому что не помнила, просто очень сложно ухватиться словами за реальность. Передать ту самую атмосферу.

Кто-то взял ее за мокрую ладошку. Это был Мустафа. Она потянулась к нему и коснулась плечом его плеча. Они двигались в такт ритму. Музыка звенела тысячами колокольчиков. Как это рассказать сейчас? Будешь выглядеть полной инфантильной дурой. Как только Люся съедала

колесо, ей всегда казалось, что Мустафа был где-то рядом. Она его чувствовала. И ей казалось, что и он с ней на связи. Куда бы он ни шел, она следила за ним, не поворачивая головы. И ничего не могла с собой поделывать. Тогда на этой самой вечеринке в «Пентхаусе» ее устроитель, Горобий, притащил белых крыс, альбиносов с красными глазами. Их было больше сотни. Они крутились в таких специальных устройствах, как белочки. И чем быстрее и жестче играл Трапезников, тем сильнее они разгонялись и ярче мигали лампочки, припаянные к внешней стороне колеса. Зеленые и красные огоньки. И тут с крысами что-то стало не так. У одного несчастного зверька разорвалась голова. Маленькие, как бусинки, капли крови брызнули на одну из танцующих, что была ближе всех. Она испуганно завизжала. Следом закричали еще несколько девушек. И буквально через несколько секунд крыс унесли. Как будто бы их и не было. И вечеринка продолжилась.

– Выходили уже где-то около десяти утра. Было пасмурно. Шел мелкий дождь. И приятная усталость разливалась по всему телу. Как удивительно под экстази меняется настроение! То ты вся горишь; изнутри как будто молнии. И ты тянешься, пытаешься раствориться в другом человеке. И секса хочется безумно. И вдруг через час ты уже совершенно асексуальна. Тела как будто не чувствуешь. Любишь всех. Улыбаешься. Разговариваешь. И ощущаешь себя такой мягкой и уставшей. Разве сейчас, Надя, такое возможно? Я, Надь, всегда любила только одного мужчину.

– А я любила всех, – Надя выпустила дым носом, – и меня все. А ты, Люсечка, любить никого не умела. Даже когда ты сосешь – прикусываешь.

– Бр-р. Откуда у тебя такая грязь на языке?

– Ой да ладно! А что, Люська, у нас одних и тех же

мужиков, что ли, не было? А мужчины больше баб любят посплетничать. Что-то прохладно стало. – Надя накинула плед на плечи и прикрыла форточку. – Ты помнишь Юлю? Она тогда в Лондоне жила, снимала комнату там у одной, тоже Джулией звали. Ну, Юля по-английски. Ей было лет семьдесят, не меньше. Но выглядела офигенно. Богемная штучка – все время танцевала, как ты, Люся. Среди ее клиентов были Мик Джаггер и Брайан Ферри. Брайан был очень скрупулезным. Он хотел знать, с кем она встречается еще. Кто из ее клиентов в шоу-бизнесе. Что она им рассказывает. Он даже в ванную ходил, обвязавшись банным полотенцем, и внимательно осматривался, нет ли кого. Параноик. Форменный параноик. А Джаггеру было все по фигу. Он больше всего любил попиздеть и похихикать. Моя подруга Юля интересовалась, а как, кстати, они в постели. Интересно же. На самом деле они очень мало занимались сексом. Но я не понимаю, как можно забыть, например, секс с Джаггером. Я бы никогда не забыла. Хотя они, наверное, столько фигачили, что нам и не снилось, Люся.

– Нам снилось. Что-то чаю захотелось.

– Сейчас вскипачу. И как-то Ферри позвонил в дверь Джулии, а у нее в гостях Джаггер, и они только раскочегарились. А этот, что «славит любовь», колотит в дверь, будто ему приспичило. И что сделал Джаггер? Он спрятался под кровать. Это была старая викторианская кровать, из-под которой еще можно было и подглядывать. Мик лежал в чем мать родила. И с удовольствием смотрел это кино. Ферри вошел. Снял пиджак. Рубашку, галстук. Он был такой пижон. Снял белье. И сказал Джулии: «Давай поиграем! Я буду твоей маленькой рысью!» Он раздвинул полы ее халата и начал работать язычком, при этом урча, как дикая кошка.

– Ну хватит, Надя! Кончай пиздеть! К тебе это пришло через вторые руки, а ты рассказываешь с такими подробностями, как будто была там рядом.

– Да я Соней клянусь! Зачем Юле мне врать?!

(Соня – трехлетняя Надина дочка, как-то незаметно появившаяся в ее жизни непонятно от кого. Малышка спала в соседней комнате. Какая бы Надя ни была раздолбайка, приехав из Краснодара десять лет назад, она успела за эти годы скопить кое-какой капитал и отхватить себе двушку на Преображенке. Квартира была чистенькая, опрятная. У Сони была собственная комнатка, где пахло молочком.)

– Не клянись ребенком!

– Да ладно тебе! Ферри ее всю вылизал. Она кончила дважды. И он молча собрался. Рубашка. Галстук. Пиджачок. Все заняло не больше пятнадцати минут. Джаггер вылез из-под кровати. Достал марокканского гашиша. Они покурили. И Джаггер спросил: «Послушай, он так стучался, звонил, как умалишенный. Ему что, приспичило просто так тебя полизать?» «Мик, – тут Надя показала, как Джулия подняла бровь, – он просто настоящий джентльмен. И поет как бог. А вот здесь, – и Джулия показала у себя между ног, – он черпает свое вдохновение». И вот тут Джаггер завелся, потому что с Миком можно было шутить сколько угодно, но только не на тему творчества. Он вообще не мог слышать, что кто-то может быть круче его в музыке. Дальше он всем стал рассказывать про длинный язык Ферри. И когда Брайан заходил на вечеринку, вся тусовка смеялась, типа: «Вы не ели суши? А здесь есть суши? Где-то, говорят, дают суши! Что-то очень запахло суши».

– Все, Надя, хватит! Историю про суши я видела в се-

риале «Сопрано». Так Тони Сопрано издевался над своим дядей Джуниором, узнав от жены, что тот предается оральным играм со своей любовницей. Так что признайся, Надечка, все это туфта!

Надя фыркнула и прикурила сигарету.

– Сериалы! Насмотрелась ты сериалов. А откуда берутся сценарии? Вот как раз из таких историй. Так кино и получается. – Надя налила себе водки. – А как ты встретила своего Мустафу?

– Мы все учились в одной школе. В такой известной привилегированной английской школе, куда поступить было непросто. И папа, который был тогда директором какого-то магазина, по блату меня туда засунул. Я пошла в четвертый класс. И подружилась с дочкой актрисы Алферовой. Помнишь такую советскую диву? Она с Абдуловым тогда жила. Я его часто видела. Он забирал Ксению после уроков. Я даже несколько раз была у них дома. Ты знаешь мы классно смотрелись вдвоем. Она беленькая, я черненькая. Я, по-моему, показывала тебе фотографии?

Надя фыркнула:

– У тебя тысячи фотографий. Разве все упомянешь?

Да, это правда! Люся возила с собой пять чемоданов, из них два были плотно набиты фотографиями. Люся тщательно фиксировала свою жизнь, словно готовилась к тому, что ее настигнет внезапный Альцгеймер. Вдруг провалов в памяти станет больше, и не будешь помнить не только названия фильмов, адреса ресторанов... Добавятся и другие белые пятна. Типа идешь по улице, а на встречу человек: «Люся, привет! Как дела? Я тебя столько лет не видел! Помнишь, как мы тогда?..» Улыбаешься в ответ и не можешь понять, ни кто это, ни как его зовут, ни что «тогда». Ощущаешь себя при этом полной дурой.